

ЛИТЕРАТУРА

Иванова, И. Эффективность государственных расходов в России // И. Иванова, М. Каменских // Экономическая политика. 2011. №1. С. 189.

Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России // Государственный университет Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/266/351/1237>. – Дата доступа: 7.02.2010.

Московская, А. Предпосылки развития социального предпри-

нимательства в России: возможности микрофинансирования / А. Московская, М. Мамута // Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.nisse.ru/business/article/article_1010.html?effort=10. – Дата доступа: 4.03.2010.

Кадол, Н.Ф. Социальное предпринимательство и его роль в современной экономике Беларуси / Н.Ф. Кадол // Предпринимательство в Беларуси: опыт становления и перспективы развития: Материалы V междунаро. научно-практ. конф., Минск, 15–16 апр. 2008 г. : в 2 ч. / Ин-т предпринимат. деят.; редкол.: В.Л. Цыбовский [и др.]. – Минск, 2008. Ч. 2. С. 122–124.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА ГЕРМАНИИ

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ БЕЛАРУСИ И ФРГ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Если исходить из общепринятых стандартов, касающихся сути и конечных целей социальной политики любого государства (оплата труда, пенсионное обеспечение, здравоохранение и т.д.), то можно сказать, что Федеративная Республика Германия для Евросоюза и Беларусь для стран СНГ являются своеобразным эталоном и хорошим примером для подражания. Несмотря на различные экономико-финансовые возможности, до недавних времен (в докризисный период) им удавалось выполнять большинство своих социальных обязательств. Это во многом объясняется тем, что как немецкое, так и белорусское руководство при определении концептуальных положений социальной политики не только использовало накопленный за многие десятилетия опыт в этой сфере, но и сумело, исходя из складывающейся обстановки, творчески видоизменять его. Вместе с тем общие лидирующие позиции ФРГ и Беларуси в реализации социальной политики, провозглашение модели своего экономического развития как социально-ориентированной отнюдь не означают сходство методов, путей и механизмов достижения конечных результатов этой политики. Объяснения такого отличия лежат в плоскости политических и экономических концепций наших государств, социальная часть которых была заложена в первые послевоенные годы.

Как известно, основы социальной политики Германии были сформулированы Людвигом Эрхардом. Ее суть он выразил такими словами: «Представляющийся мне идеал покоится на том, чтобы человек мог сказать: «У меня достаточно сил, чтобы постоять за себя, я хочу сам нести риск в жизни, хочу быть ответственным за свою собственную судьбу. Ты, государство, не заботься о моих делах, но представь мне

столько свободы и оставь мне от результата моей работы столько, чтобы я мог сам и по собственному усмотрению обеспечить себе существование, мою судьбу и судьбу моей семьи».

Таким образом, социальной задачей немецкого государства той поры было не распределение социальных благ, а обеспечение условий деятельности индивидов, способных создавать эти блага и самостоятельно заботиться о себе. Сам Эрхард считал, что государство должно оказывать социальную помощь сообразно моральным установкам общества, если это касается действительно нуждающихся людей (инвалидов, сирот, немощных пожилых людей и т.п.). При этом он всячески призывал бороться против любого проявления иждивенчества. То есть, выражаясь языком нашего обывателя, эрхардовская социальная политика во многом строилась по принципу: «дело спасения утопающих – дело рук самих утопающих». Помогать нужно было лишь тем, кто «физически не мог держаться на воде». Такая жестокая постановка вопроса объяснялась экономическими причинами: разрушенная войной экономика Германии просто не могла выдержать тяжелое бремя социальных задач даже с учетом широкой финансовой поддержки в рамках американского плана Маршалла. Рыночная экономика породила рыночную социальную модель – ту систему, которая в модернизированном виде существует и сейчас.

Перед СССР, в состав которого входила и нынешняя Беларусь, стояли аналогичные крупномасштабные задачи по восстановлению послевоенной экономики. Но в отличие от Германии советская система даже перед лицом огромнейших затрат на экономическое возрождение не могла позволить себе отхода от уже установившихся в предвоенные годы социалистических принципов социальной политики. Главенствующая роль в ней, как известно, принадлежала государству, которое само опреде-

А. В. Шарапо,
д-р истор. наук,
профессор
(Белорусский
государственный
университет)

ляло, кто и в каких размерах имел право на социальные пособия. Политика социализма выступала в роли главного инструмента формирования социальной политики. Именно она почти в неизменном виде была взята на вооружение экономикой независимой Беларуси.

Как видим, стартовые концептуальные постулаты социальной политики ФРГ и Беларуси были если не диаметрально противоположными, то в большинстве своем значительно отличались друг от друга. В одном (немецком) случае главными субъектами финансирования социальных программ выступали сами граждане, в другом (белорусском) – государство. Однако в дальнейшем обе эти социальные линии, видоизменяясь и развиваясь, дали экономическое обоснование назвать модель развития обоих государств «социально-ориентированная экономика». Этот факт сам по себе примечателен. Можно сказать, что здесь налицо своеобразное воплощение марксистского тезиса о единстве противоположностей: ФРГ постепенно расширяет присутствие государства в социальной сфере, а Беларусь вводит в нее некоторые рыночные механизмы.

Действительно, если проследить путь социальных преобразований в ФРГ и Беларуси за последние 20 лет, то можно утверждать о своеобразной конвергенции их социальных моделей. Так, в статье 20 Основного закона Германии (принят в 1990 г.) закреплен главный тезис о том, что Федеративная Республика Германия является социальным государством, которому вменяется обязанность социально защищать своих граждан путем обеспечения их достойными средствами существования, особенно в случае безработицы, инвалидности и старости. Особенностью данного закона является то, что эти конституционные принципы являются незыблемыми и не подлежащими изменению при внесении последующих поправок в Основной закон или выработке новой конституции. О повышении роли государства в социальной сфере ФРГ говорит и то, что сейчас на эти нужды расходуется 27,4% валового внутреннего продукта (для сравнения США –14,7%). В свою очередь, в Конституции Республики Беларусь, в отличие от советской Конституции, говорится о том, что государство гарантирует всем равные возможности свободно использовать способности и имущество для предпринимательской и иной экономической деятельности. Государство обеспечивает направленность и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях.

Особенно наглядно сближение позиций ФРГ и Беларуси по социальным проблемам стало просматриваться в последнее десятилетие в связи с набирающими силу процессами глобализации и интеграции. Экономический и финансовый кризис заставил как ФРГ, так и Беларусь внести серьезные коррек-

тивы в свою общегосударственную экономическую политику, а вместе с этим пересмотреть многие положения, касающиеся социальной сферы. Усложнение гео- и региональной социально-экономической обстановки высветило для ФРГ неспособность решения социальных задач при помощи только рыночных механизмов. Эти новые условия «примирили» два антагонистичных начала, которые долгое время определяли немецкую социальную политику – роль государства и рынка, и сформулировали ее суть как их органическое единство.

Не стояла на месте и Беларусь. Геополитические трансформации начала XXI в. предопределили необходимость отхода от копирования советской социальной политики и включения в нее рыночных механизмов. Как отмечается в программе «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г.», государство должно предоставить каждому трудоспособному человеку условия «для обеспечения своего благосостояния и полностью выполнить социальные обязательства перед инвалидами, многодетными семьями, нетрудоспособными и малообеспеченными слоями населения».

Нетрудно заметить определенную схожесть этой формулировки с некоторыми положениями современной социальной политики ФРГ. Конечно, она касается лишь одного аспекта степени участия в социальных программах государства и рынка. Однако когда речь заходит о реализации этих программ, то здесь можно найти больше различий, чем сходств. Остановимся на двух, на наш взгляд, главных из них.

Прежде всего, это наличие в ФРГ отличной от белорусской системы выработки положений социальной политики. Как известно, в Германии прерогатива в этом вопросе принадлежит политическим партиям, в Беларуси – законодательной и исполнительной власти. В ФРГ социальный блок в политических программах партий – основной козырь в их предвыборной борьбе. Именно этот фактор в основном определяет электоральные симпатии и антипатии, а в конечном счете – победу той или иной партии. В Беларуси, в силу слабости и непопулярности большинства партий, электоральные предпочтения зависят от других известных причин.

Вспомним предвыборную борьбу между блоком ХДС/ХСС и СДПГ в 2005 г., в центре которой стоял, может быть, не совсем понятный для нас, белорусов, вопрос о налоге на добавленную стоимость (НДС): христианский блок в лице А. Меркель предлагал повысить его с 16 до 18% (для информации: повышение этого налога только на 1% приносит в бюджет дополнительно около 10 млрд евро). Эти средства христианские демократы предлагали направить на помощь безработным, преобразование медицинского страхования, увеличение рабочих мест, рост социальных

пособий и т.д. Тогдашний канцлер ФРГ Г. Шредер как представитель СДПГ, наоборот, считал этот шаг неприемлемым. В своей программе реформ «Повестка дня-2010» СДПГ предлагала решать эти проблемы путем рыночных механизмов. Итог этих разногласий мы знаем: именно четкая и откровенная социальная программа ХДС/ХСС помогла им тогда одержать убедительную победу. При этом нужно отметить, что предвыборные социальные обещания той или иной партии ФРГ – это не пустой звук. Они составляют костяк реальной социальной политики в период нахождения партии у власти.

Или другой пример, характеризующий роль социальных программ в популярности той или иной партии. 17 июля 2005 г. на чрезвычайном съезде Партии демократического социализма (ПДС) было принято решение о ее преобразовании в Левую партию с включением в ее состав объединения «Избирательная инициатива и социальная справедливость» (ее членами были разочаровавшиеся социал-демократы, например экс-председатель СДПГ Лафонтен, профсоюзные активисты, общественные социальные работники). Свою деятельность она начала с изложения понятной для многих немцев, в том числе и жителям западных земель, программы социальных преобразований. Раскритиковав шредеровскую программу СДПГ «Повестка дня-2010» и ее социальную составляющую «Гарц-IV» как «закрепляющие нищету, унижение и десоциализацию», Левая партия предложила такие меры в улучшении социальной сферы, как установление минимальной заработной платы в 1400 евро в месяц при обязательном сохранении защиты работников от увольнения, повышение налога на обладателей сверхвысоких доходов, установление минимальной пенсии на уровне 800 евро и т.д. В итоге рост популярности этой партии за 3 месяца (парламентские выборы состоялись 18 сентября 2005 г.) позволил ей завоевать 8,7% голосов и образовать в бундестаге собственную фракцию (54 мандата). Как видим, социальная политика – далеко не последний козырь в политической борьбе в ФРГ.

Еще один, противоположный, пример того, как блок партий, пришедший к власти и не выполняющий своих социальных обещаний, может катастрофически потерять свою популярность. Речь идет о ХДС/ХСС. Так, на закрытом заседании правительства ФРГ в июле 2010 г. было принято решение сократить до конца 2014 г. бюджетные расходы на 81,6 млрд евро, в том числе в 2010 г. – на 11,2 млрд, в 2012 г. – на 19,1 млрд, в 2013 г. – на 24,7 млрд, в 2014 г. – на 26,6 млрд евро. В наибольшей степени это сокращение коснулось социальной сферы, особенно наиболее обделенной части населения (безработные и получатели социальных пособий). Вот как оценили эти решения оппозиционные партии: председатель СДПГ Зигмар Габриэль назвал их «жалкими и

незрелыми, осуществляемыми в ущерб интересам большинства населения»; председательевой партии Клаус Эрнст считает их «ударом по социальному миру»; сопредседатель партии «зеленых» Ренате Кюнаст – «топор нанес удар по самым бедным»; лидер Объединения немецких профсоюзов Михаэль Зоммер – «программа правительства провоцирует начало социальной борьбы в обществе».

И вот итог: согласно данным опроса общественного мнения, проведенного институтом «Инфратест-Диман», суммарный рейтинг правящей коалиции упал до рекордно низкой отметки – 38% (для сравнения – рейтинг СДПГ и Союза-90 /«зеленые» составил более 48%). Непопулярная социальная политика ХДС/ХСС стала одной из главных причин поражения христианских демократов на проведенных недавно выборах в землях Баден-Вюртемберг (ХДС по сравнению с 2006 г. набрала лишь 39%, потеряв 5,2% голосов) и Рейнланд-Пфальц (ХДС уступила СДПГ, набрав 35,2%). В целом отход ХДС/ХСС от своих социальных обещаний даже привел к разочарованию немцев в самом существующем экономическом строе ФРГ. По данным журнала «Шпигель», 88% населения считает свою экономическую систему «не лучшей из экономических формаций, так как она не способствует ни установлению социального равенства, ни защите окружающей среды, ни бережному отношению к природным ресурсам».

Еще более мрачную картину нарисовал в своей книге «Германия самоуничтожается» (Deutschland schafft ab) политик из СДПГ Тило Саррацин, утверждая, что «растущая бедность, падение рождаемости, ухудшение уровня образования, а также нежелание мигрантов ассимилироваться могут привести к исчезновению ФРГ с политической карты мира». Понятно, что это крайние, даже экстравагантные оценки, но и они говорят о том, что даже в такой богатой стране, как Германия, есть немало нерешенных социальных программ (при этом так и хочется сказать – нам бы ваши заботы!).

Мы так подробно остановились на теме «рейтинг партии и социальная политика» не случайно. На этом фоне более отчетливо вырисовывается отсутствие таковой связки на нашем белорусском политическом поле. Объяснение этому, как уже было сказано выше, простое – слабость и непопулярность оппозиционных партий Беларуси, которые по объективным и субъективным причинам не могут предложить реально выполнимую социальную программу. Почитайте их социальные предвыборные обещания и все станет ясно. Конечно, в таких условиях власть, т.е. государство, вынуждена брать ответственность за социальную защиту своих граждан на себя. В этом коренное отличие белорусской модели от социальной системы ФРГ, где социальная политика, проводимая властью, ассоциируется у

немцев с политико-экономическим курсом той или иной стоящей у власти партии.

Есть и еще одно немаловажное различие. Как известно, в ФРГ за послевоенное десятилетие выработаны и проверены на практике действенные механизмы реализации социальной политики. Главный из них – социальное страхование. Страховкой охвачены все жизненно важные сферы: на случай безработицы, болезни, несчастных случаев, пенсионное страхование и т.д. Имеются пособия по бедности, многодетным и малообеспеченным семьям, что есть и в Беларуси. Разнится размер выплат: например, в ФРГ пособие по уходу за ребенком составляет 87% последней чистой зарплаты, но максимум 1800 евро; пособие по безработице от 60 до 67% последней выплаты в течение 12 месяцев; выплата пенсий производится в рамках так называемого договора между поколениями (следующее поколение оплачивает пенсии предыдущего). Все это в комплексе обеспечивает в Германии спокойную социальную обстановку и низкую протестную активность: с 1990 по 2002 г. в ФРГ в среднем на 1000 рабочих дней приходилось лишь 12 забастовочных (по Евросоюзу – 84).

В Беларуси, как известно, забастовочной деятельности не отмечено. Мы не можем не сказать и о других наших социальных достижениях, которые даже в сравнении с ФРГ выглядят вполне масштабно. Возьмем, например, динамику снижения безработицы: 1995 г. – 131 тыс. безработных, 2000 г. – 95,8 тыс., 2005 г. – 67,9 тыс., 2009 г. – 40,3 тыс. Эти показатели в процентном отношении гораздо лучше, чем в ФРГ (уровень безработицы в ФРГ составляет 7,2% – 3 млн 31 тыс. безработных). В нашей стране неплохо решена проблема пенсионного обеспечения – одного из лучших в СНГ, пособий многодетным и малоимущим семьям, пособий по инвалидности и т.д. Все это дает основание поставить Республику Беларусь в один ряд с государствами, лидирующими по такому показателю, как степень социальной защищенности своих граждан, и обоснованно определить модель развития нашей страны как социально-ориентированное государство.

себе очень высокие темпы экономического роста и значительные социальные гарантии, стал хрестоматийным. Но сегодня Германия ищет новые пути развития, адекватные коренным изменениям в характере труда, ускоренной глобализации и современным демографическим переменам. Какие же особенности политики позволили ФРГ совершить стремительный взлет, а в настоящее время тормозящие ее развитие?

Можно считать, что начало модели социально-рыночного хозяйства в послевоенной ФРГ воплощалось в жизнь усилиями Л. Эрхарда. Политика 1950–1960-х отличалась комплексным подходом к решению социальных проблем: использовались инструменты и для перераспределения и для создания необходимых условий для экономического роста, а следовательно, дохода всего общества.

После отставки канцлера Л. Эрхарда во внутренней политике был совершен поворот к кейнсианским методам экономического стимулирования. С этого времени социальные расходы уже не уменьшались в абсолютных показателях, а государство взяло на себя роль распределителя национального дохода. Социальные привилегии трудящихся были объявлены неприкосновенными, а набор социальных услуг постоянно рос вне зависимости от экономической конъюнктуры. Ярким примером защиты прав рабочих стало решение проблемы иностранной рабочей силы в Германии. Во время бурного экономического роста из-за нехватки рабочих рук был разрешен въезд в страну гастарбайтеров из юго-восточной Европы, и к середине 1970-х гг. в стране на постоянной основе проживало около 4 млн эмигрантов (11% рабочей силы). Отрицательный с 1975 г. естественный прирост, самая значительная среди развитых стран мира доля населения старше 65 лет (20,2% в 2004 г.), низкий суммарный коэффициент рождаемости (1,39) – свидетельствуют о серьезной демографической проблеме, возникшей в Германии во второй половине XX в. Однако после нефтяных шоков государству оказалось накладно обеспечивать социальные расходы. После жарких дебатов было решено не проводить силовых акций, но только ограничить иммиграцию. Обратной стороной медали оказалось повышение налогов, приведшее к росту издержек на заработную плату. Хотя из соображений справедливости социальные налоги были поделены поровну между работниками и работодателями, но очевидно, что уменьшение спроса на рабочую силу привело к увеличению доли платежей занятых.

По мнению К. Калдвилла, иммиграционная политика, которую ФРГ проводила на протяжении многих лет, оказалась неудачной, а ее последствия будут самыми драматичными. Немецкие элиты переоценили потребность страны в иностранной рабочей силе и теперь большое число иммигрантов грозит обрушить систему соцобеспечения, вместо того чтобы ее

О.Р. Пятковская
(Львовская
коммерческая
академия)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННУЮ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГЕРМАНИИ

Германская модель социально-экономического развития может считаться одной из лучших политик XX в.: уже в 1950–1960-е гг. немецкий опыт был воспринят в Японии, а сегодня страна занимает лидирующие позиции в мире по среднему душевому доходу, объему экспорта и объему социальных расходов. Феномен «экономического чуда», соединивший в